

Михаил Блюменкранц

Между министерством Правды и министерством Любви. О творчестве Г.С. Померанца (1918-2013)*

Не секрет, что основной задачей, которую выполняла советская философия, была апологетика марксистско-ленинской идеологии. Догмы вероучения преподавались во всех высших учебных заведениях страны, на всех факультетах, и, как Закон Божий, зазубривались студентами с благой целью формирования у них единственно верного и потому передового и всепобеждающего мировоззрения.

Когда в 1991 году, после провала августовского путча, я начал работать в Харьковском государственном университете на кафедре философии, то не без удивления услышал от коллег, что еще до недавнего времени наш заведующий кафедрой обязан был являться в обком партии с ежемесячным отчетом о настроениях сотрудников.

Философия была передовой идеологического фронта, и студентов на эту передовую отбирали обычно не по их безответственной любви к мудрости, а по рекомендации комсомольских и партийных организаций.

Однако, даже при столь жестко осуществляемом советской властью отборе кадров, и в эту среду проникали иной раз не совсем благонадежные элементы, стремившиеся отстроить свое пространство свободы между министерством Правды и министерством Любви.

Одни пытались отвоевать такое пространство, атакуя бастионы западной философской мысли и публикуя в качестве боевых трофеев бесчисленные статьи и монографии, полные принципиальной и бескомпромиссной критики современных буржуазных теорий. Нередко некоторые из этих произведений, написанные эзоповым языком советского двоемыслия и щедро нашпигованные обширными цитатами из строго табуированных властью авторов, становились в те времена единственным источником информации о путях развития философской мысли на Западе.

Существовал и иной способ лавирования среди идеологических рифов режима – плавание в поисках ничейной земли. Такая *terra incognita* была открыта Ю.М. Лотманом в Тарту. Но и помимо структуральнейшего анализа случались иногда неожиданные прорывы. Например, выход в свет в застойные брежневские годы блестящей монографии П.П. Гайденко *Трагедия эстетизма*, с экзистенциалист-

* Статья ранее публиковалась в журнале Вопросы философии (2/2013). Печатается с некоторыми изменениями.

ским анализом творчества Серена Кьеркегора. Зарница свободной мысли, блеснувшая в темной ночи диалектического материализма. Среди испытанных лоцманов нетрадиционной навигации были и М.М. Бахтин, и Мераб Мамардашвили.

Еще одним легальным путем бегства из лагеря строгого интеллектуального режима для многих серьезных ученых оказался уход в академический мир истории философии.

Появлялись и энтузиасты партизанской борьбы на оккупированной территории, старательно перекапывающие пересохшие колодцы марксистско-ленинской философии в поисках живой воды. Самые усердные копальщики в результате теряли жреческий статус и переходили в касту неприкасаемых: в лучшем случае ересиархов, а то и прямых ренегатов.

Впрочем, я не претендую на полноту описания всего ландшафта парка философии советского периода. Это лишь скромная зарисовка пейзажа, сделанная только для того, чтобы перейти в более укромные уголки этого лесного хозяйства.

В самиздатской литературе 70-80-х годов прошлого века Г.С. Померанц являлся одним из наиболее популярных авторов. Его статьями зачитывалась оппозиционно настроенная интеллигенция во всех уголках огромной страны: от Риги до Владивостока.

Мое первое знакомство с его творчеством произошло в студенческие годы. Помню, с каким живейшим интересом я прочел, нет, скорее, «проглотил» машинописный текст его диссертации *Некоторые течения восточного религиозного нигилизма*. Несколько позже я познакомился и с самим автором. Это произошло в середине 70-х, в Ленинграде, на ежегодной конференции по Ф.М. Достоевскому. Конференции эти проходили в Доме-музее писателя и имели репутацию одного из последних прибежищ вольномыслия, так как туда в течение ряда лет в числе прочих приглашали как Григория Соломоновича, так и других опальных авторов, среди которых был и Лев Копелев.

В зале, как правило, свободных мест хватало, если только речь не шла о докладах Померанца. Тогда, для того чтобы устроиться в зале, нужно было приходиться, по крайней мере, за час до выступления. В противном случае свободного места не было не только в зале, но и в примыкающем к нему просторном фойе. Нередко динамики для трансляции даже выставляли на улицу, где перед входом в музей обычно собиралось большое количество молодежи.

Выступления Померанца, посвященные творчеству Достоевского, никогда не носили характера чисто академических исследований, представляющих интерес лишь для узкого круга специалистов. Мысль в них всегда кружила вокруг вечных вопросов, будораживших неравнодушные умы, и для многих была настоящим глотком свежего воздуха в затхлой атмосфере свободной от кислорода действительности.

Прочитанные на этой конференции доклады Г.С. Померанца позднее вошли в изданную вначале в США, а после перестройки и в России, книгу эссе *Открытость бездне*. Такое название отнюдь не случайно, оно характеризует не только один из нервов поэтики Достоевского, но и в полной мере может быть отнесено к особенностям мироощущения самого ее автора.

В своих мемуарах *Записки гадкого утенка* Г.С. Померанц вспоминает пережитое им в юности острое чувство осознания с одной стороны бесконечности мироздания, и с другой – конечности человеческого существования, затерянного в нем. На всю жизнь сохранит он память об этом однажды вспыхнувшем паскалевом огне, опалившем душу. Следы этого огня позже он будет находить на страницах русской литературы 19 века: в поэзии Федора Тютчева, в романах Льва Толстого и Федора Достоевского. И у мальчика из еврейской семьи, перебравшейся в 20-е годы из Вильно в Москву, пережитый опыт станет началом того пути в глубину, который окажется решающим фактором в формировании и стиля жизни, и стиля творчества будущего мыслителя. Ибо стиль, как известно, – это человек, и «найти свой стиль, – как подчеркивает сам Померанц, – значит найти свое внутреннее зернышко, свое чувство истины»¹. Это внутреннее зернышко, это свое чувство истины поможет ему остаться самим собой и в огне Второй мировой, и в сталинских лагерях.

Из-под пера Померанца вышло множество эссе и статей широкого тематического спектра: культурологических, философских, литературоведческих, исторических, религиозных. Не только беглый анализ, но даже простое перечисление названий написанных им работ заняло бы достаточно много времени. Поэтому в разговоре о его творчестве для меня важно сконцентрироваться на главном, не увлечься частностями. Эта задача сама по себе не из легких, т. к. философский инструментарий Померанца не поддается привычной классификации, потому что его философский инструментарий – это сама его личность. Его понятийно-образное мышление носит ассоциативный характер, мысле-образ – его привычный язык. Думать сердцем – его основной жизненный и творческий принцип.

И хотя в своих культурологических статьях Померанц подчас и создает оригинальные научные теории (см., например, *Теория субэкумен и проблемы своеобразия стыковых культур* или *Иконологическое мышление как система и диалог семиотических систем*²), сам он не склонен придавать теориям слишком большое значение, сравнивая всякую рациональную теорию с лесами, которые следует убрать, как только строительство закончено. Говоря о месте теории в философских исследованиях, он нередко вспоминает дзенскую притчу о том, что есть искушение принять палец, указывающий на луну, за саму луну. В своих мемуарах Померанц признается:

¹ Померанц Григорий. *Записки гадкого утенка*. М., 2003. С. 9.

² Он же. *Выход из транса*. М., 1995.

«Способность живо чувствовать понятия и складывать их в теории ничуть не чудеснее, чем подбирать и складывать в букет цветы, и я сам не знаю, что выше... А логическая теория вовсе не обязательно истинная теория. Большая часть теорий односторонние, многие прямо нелепы. Способность мыслить истину отстоит от способности теоретизировать как небо от земли. Замечательные мыслители вовсе не теоретизировали, а говорили притчами и парадоксами»³.

Померанц описывает два типа ума: один прекрасно ориентируется в частностях и поэтому не рискует заблудиться в трех соснах, но не имеет ни малейшего представления о лесе в целом, другой – плохо разбирается в деталях и три сосны способны оказаться для него безвыходным лабиринтом, но он обладает чувством целого, видением леса. И эта способность позволяет ему избегать искушения принять один из фрагментов картины за всю картину в целом.

Это целостное видение наделяет исследователя чуткой духовной интуицией, позволяющей находить ответы на самые запутанные вопросы. Есть задачи, которые имеют решение только при выходе на принципиально иной уровень, открывающий еще одно измерение действительности.

В одной восточной притче рассказывается о двух мудрецах, встретившихся на берегу моря. Один из мудрецов начертил на песке линию и попросил другого уменьшить ее, не прикасаясь к ней. Второй мудрец провел рядом свою, более длинную. Он задал больший масштаб, и первая линия оказалась сразу короче, чем представлялось раньше.

Многие из самиздатских эссе Померанца рождались как непосредственный отклик на актуальные проблемы времени. Но в них присутствовало то, что составляет отличительную черту его творческого почерка: удивительная способность видеть во временном глубоко скрытую проекцию Вечного. Сознание Померанца работает как особая призма, постоянно преломляющая конечное в бесконечное, и за любой, самой короткой линией, открывающая весь горизонт бытия, бытия, не мумифицированного научной теорией, но остающегося живым и трепещущим. Подчас Померанца можно упрекнуть в некоторой неточности деталей, но невозможно не признать его умения за деталью всегда увидеть Целое.

«Передать не частности, а целое, не хворост, а огонь, не идею, а ритм, в котором шла схватка Якова с ангелом»⁴, - в этом видит сам Померанц свою задачу.

Его мышление принципиально адогматично, но совсем не потому, что он разделяет позицию модного нынче релятивизма, а потому что истина для него жива не в букве, а только в духе. Она экзистенциальна по самой своей природе. Он мог бы повторить вслед за Кьеркегором, что истину нельзя познать, в истине можно только быть или не быть. Поэтому же истину невозможно узурпировать даже ее многочисленным провозвестникам. Она – не плод усилий нашего интеллекта, а

³ Он же. Записки гадкого утенка. С. 19.

⁴ Там же. С. 245.

состояние нашей души. И если вопрос об истине задается Пилатом, то ответа на него нет. Истина не познается, она переживается.

«Я понял, – пишет Померанц, – что каждому из нас даны только осколки истины, и бессмысленно спорить, чей осколок больше. Прав тот, кто понимает свое ничтожество и безграничное превосходство целостной истины над нашими детскими играми в истину»⁵.

По характеру мировоззрения и кругу поднимаемых проблем Померанц продолжает духовный поиск и определенные традиции русской религиозной философии Серебряного века. Он и сам как-то отмечал в одной из наших бесед удивительную близость некоторых своих размышлений об исторических судьбах России, вошедших в его книгу *Сны земли*⁶, с взглядами Г.П. Федотова, с творчеством которого он познакомился уже после выхода своей книги. Несомненная близость духовных интуиций здесь бросается в глаза.

И все же вряд ли возможно говорить о прямой преемственности творчества Померанца по отношению к философским традициям Серебряного века, в общем остающегося в русле русской православной мысли. Будучи религиозным мыслителем, Померанц придерживается экуменистических взглядов, не примыкая ни к одной из конфессий, так как по его убеждению «важен не характер верховного образа (символа непостижимой, повергающей в трепет тайны целого, объясняющего и время, и вечность), а то, что такой образ есть. Остальное – историография. Она по-своему важна, но различия икон не мешают единству веры. А мистическая суть веры во всех высоких религиях одна. Сердца христиан, мусульман, буддистов и индуистов трепещут от одной тайны»⁷. По его мысли, отличается лишь метафорика духовного опыта, а не сам опыт.

Сам себя Померанц не склонен относить к какому-либо философскому направлению, и в известной степени это так. Как мыслитель он находит и осуществляет органичный синтез западных и восточных философско-религиозных традиций, традиций Платона, Августина, Паскаля и дзен-буддийской апофатики, европейского религиозного экзистенциализма и присущей русской философской мысли устремленности к непостижимому, которую отмечал Семен Франк. Лучшее всего об особенностях своего творческого пути говорит сам Померанц:

«Я не боюсь потеряться, переступив через рамки вероисповеданий, национальных пристрастий и прочего. Я остаюсь самим собой, о чем бы ни писал: о дзен-буддизме или Достоевском... Пол-оборота на Восток стало частью меня самого»⁸.

Эти «пол-оборота», по-видимому, лишь обострили заложенный в него природой талант к созерцанию, дар, позволяющий при самых драматических жизненных обстоятельствах не терять высокие духовные ориентиры. Дар внутреннего

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Померанц Григорий. *Сны Земли*. М., 2004.

⁷ Он же. *Записки гадкого утенка*. С. 258.

⁸ Там же. С. 9.

затихания души, вглядывающейся в вечность. То, что Карл Ясперс именовал обретением «шифра трансцендентного», а Ницше – «той минутой тишины между двумя минутами криков, которую должен уметь находить истинный философ», и которой сегодня так катастрофически не хватает нашей постиндустриальной цивилизации.

Что ж, каждая цивилизация, – как полагает Померанц – в конечном итоге погибает от тех ядов, которые она сама и вырабатывает за время своего существования. Однако Померанц вовсе не рассматривает ситуацию современного кризиса как безнадежную. Выход из нее он видит в возможности достижения определенного духовного равновесия между сверхдинамичным, обращенным к внешнему стилям жизни современной западной цивилизации, и созерцательным, направленным в собственную глубину стилям жизни, веками культивировавшимся на Востоке. Правда, пути осуществления такого синтеза, как всегда, остаются неисповедимыми, ибо в шумном диалоге культур труднее всего бывает слышать голос самой культуры.

Можно было бы говорить о полной утопичности такого проекта, если бы сам Померанц в своем существовании не достиг бы синтеза, что оставляет надежду и для других. Он сумел, как в свое время греческие мыслители, сделать свою жизнь аргументом своей философии. Стиль его существования и стиль его мышления составляют единое целое. Их объединяет общая экзистенциальная установка: жить, не изменяя собственной глубине.

«В моем уме и чувстве пробегают самые разные наплывы, а где-то внутри есть точка бесстрастия духа, с которой я оцениваю страстные односторонности, и поддерживаю одно, не вмешиваясь, созерцаю другое, отвергаю третье... Волны любви, волны ненависти (в полемике) – они все время бьются о берег. Я не пытаюсь превратить душу в бесстрастное озеро, не умерщвляю плоть, не живу в постоянном волевом напряжении (это мешало бы чувствовать и понимать жизнь). Но в точке покоя коренится воля, которая принимает то, что обогащает любовь и не дает ее разрушить... И своеволие страстей надо мной не властно»⁹.

Через погружение в глубину личности человек постигает глубину мироздания, то единство микро и макрокосма, дверь в которое открывается только на уровне того «внутреннейшего человека», о котором говорил Мейстер Экхарт. Чувство нашей открытости и незащищенности перед бездной вызывает трепет души, устремленной к неразрешимому и неизреченному. Из этого трепета и рождается то, что люди называют философией. Все последующее – лишь плод более или менее успешной рационализации этого первоначального опыта.

Попытка как можно более полно донести этот опыт и является основным мотивом творчества Г.С. Померанца. Впрочем, об этом хорошо сказал он сам:

«В ответ неразрешимому открывается и углубляется сердце. Я не достиг этой последней глубины. Но меня тянет к ней, и мысли мои вьются и вьются вокруг

⁹ Там же. С. 364.

неразрешимого. Иногда я решал интересные вопросы, но самое главное, что меня только толкает к бумаге, кружение вокруг неразрешимого, бесконечные попытки дать безымянному имя (сегодня, сейчас, вчерашние имена не действительны). Попытка «хоть раз не солгать» там, где всяческая мысль есть ложь, все догматы – только подобия, иконы непостижимого»¹⁰.

Кьеркегор упрекал Гегеля в том, что его философия и его образ жизни не имеют между собой ничего общего. На университетской кафедре он находится на короткой ноге с Абсолютом, а в своей повседневной жизни остается заурядным бургером.

Нельзя сказать, что жизнь Померанца избавлена от житейской рутины, его повседневное существование не слишком сильно отличается от образа жизни других российских интеллигентов. Утром несколько часов работы за письменным столом, днем прогулка в соседнем лесу, вечером классическая музыка и чтение любимых стихов, встречи с друзьями. В промежутках – нехитрые хлопоты по хозяйству. Но важна ведь не внешняя фабула, а ее наполнение. Померанцу удалось выстроить свое духовное пространство, в котором не бывает серых будней, вытесненных интенсивностью, постоянным накалом внутренней жизни.

У одного из дзенских наставников однажды спросили: чем отличается жизнь человека, постигшего истину, от жизни других людей. Наставник отвечал, что практически ничем, все то же самое, но только два сантиметра над землей.

Личность и творчество Г.С. Померанца – убедительное свидетельство того, что открытость бездне, незащищенность души перед метафизической глубиной бытия придают поразительную устойчивость духу и рождают то чувство полноты жизни, которого так не хватает обмелевшему руслу привычного существования.

Пытаясь понять причины того живейшего интереса, которые вызывали тексты Померанца у читателей эпохи самиздата, склонен предположить, что не в последнюю очередь он объяснялся присутствием в них тех духовных ориентиров, которые, казалось, давно уже были преданы забвению господствующей идеологией и стерты в памяти новых поколений. Во времена наступившей «метафизической инфляции»¹¹. Померанц возвращал потерянное измерение глубины человеческого бытия и те ценности нравственного выбора, которые личность способна сохранить как пространство своей внутренней свободы. Сохранить даже в условиях всевластия министерства Правды и под недремлющим оком министерства Любви. Именно это и давало силы «гадким утятам» выстоять под жестким давлением советского социума.

¹⁰ Там же. С. 205.

¹¹ Степун Федор. Сочинения. М., 2000. С. 430.